

Время, 1861. №9

ОБЪ ИНДЮШКАХЪ И О ГЕГЕЛЪ

(Письмо въ редакцію «Времени»)

Какія крохотны коровки!
Есть право менѣе булавочной головки!
Крыловъ.

Съ изумленіемъ и радостью вижу, милостивый государь, что труды мои на пользу російской словесности вовсе не такъ ничтожны и микроскопически-малы, какъ я полагалъ сперва по свойственной мнѣ скромности. Я не предполагалъ, что мои незначительныя и робкія наблюденія характеризуютъ такія обширныя сферы и затрогиваютъ такія твердыя убѣжденія, какъ это оказалось. Вижу теперь, что былъ справедливъ, не пренебрегая малымъ и трудясь надъ анализомъ явленій, повидимому не имѣющихъ никакой важности. Черты, мною найденныя,

оказываются вполне верными. Отрицание общих авторитетов защищается, самостоятельность мыслей, до которых каждый собственным умом дошел, признается за великое благо, соблазнительная ясность господствует.

Лучшим доказательством этому служит статья: По поводу журнальной полемики - Повальное недоразумение, помещенная в августе Библиотеки для Чтения. Я счел бы непростительным не воспользоваться этим ярким явлением, как нельзя лучше подтверждающим мои слова.

Главное содержание этой статьи есть оценка достоинств и заслуг г. Чернышевскаго. Такой обширный и важный предмет мне не по силам, и я осторожно оставляю его в стороне. Я ограничусь только тесною задачей - разобрать то, что сказано в защиту мнений г. Чернышевскаго о падении Рима. Из этого не будет следовать общаго заключения, но все-таки будет следовать некоторое

заключеніе, по пословицѣ: вы узнаете ихъ по плодамъ ихъ.

Отчего погибъ Римъ? вотъ вопросъ, который вновь рѣшается въ статьѣ «Библіотеки для Чтенія». Поклонникъ г. Чернышевскаго, намъ кажется, не вполне понялъ, противъ чего ратовалъ г. Чернышевскій, утверждая, что Римъ погибъ только отъ варваровъ.

«Мы не должны, говоритъ поклонникъ, притворяться незнающими того, чтъ именно оригинальнаго заключается въ словахъ г. Чернышевскаго: Римъ погибъ отъ варваровъ. Прежде къ этимъ словамъ обыкновенно прибавляли еще: отъ роскоши и разврата. Г. Чернышевскій, вслѣдъ за двумя-тремя чрезвычайно авторитетными писателями, опустилъ эти слова: отъ роскоши и разврата.»

Ну, это не совсѣмъ такъ. Не это отвергаетъ г. Чернышевскій. Сейчасъ и видно, что авторъ самъ еще очень близокъ къ тѣмъ учебникамъ, въ которыхъ

говорится о роскоши и развратѣ, при паденіи государствъ, на примѣръ къ всеобщей исторіи Кайданова. Но мы не намѣрены здѣсь поправлять поклонника, который не сумѣлъ понять рѣчей своего авторитета. Пусть будетъ и такъ. Рѣчь такого рода, что Римъ погибъ отъ роскоши и разврата, положимъ не очень глубокая рѣчь, но все-таки не чужда человѣческаго смысла. Роскошь и развратъ, о которыхъ здѣсь говорится, суть вещи дурныя, ненормальныя; съ этимъ согласится и самъ г. Чернышевскій. Слѣдовательно есть нѣкоторое вѣроподобіе, что общество, въ которомъ дурныя явленія взяли перевѣсъ надъ хорошими, можетъ погибнуть.

И такъ посмотримъ, чтъ же возражаетъ на это авторъ статьи. Развѣ это возможно? восклицаетъ онъ въ недоумѣніи, и затѣмъ продолжаетъ:

«Недоумѣніе наше было бы гораздо значительнѣе, еслибы, на примѣръ, эксцентричные англичане предложили намъ за огромную премію, доказать возможность

погибели отъ разврата и роскоши не то что государства, а хотъ семейства индюшекъ, такъ чтобы при рѣшеніи этой задачи никакимъ образомъ не допускалось предположеніе о вѣроятности быть перерѣзанными этимъ индюшкамъ, за ихъ вкусное мясо, варварами-людьми, а также и о томъ, что они могутъ опиться и объѣсться. Это последнѣе предположеніе не должно быть допущено потому, что вѣдь и Римъ не опился и не объѣлся; при всемъ нашемъ изумленіи къ чудовищнымъ сказкамъ о его несодѣянной роскоши, мы не только можемъ сообразить, но и положительно знаемъ, какъ-будто это происходило у насъ на глазахъ, что развратничало и раскошничало въ Римѣ изумительно ничтожное меньшинство: остальное громадное большинство населенія страдало, напротивъ, отъ слишкомъ высокой степени добродѣтелей, противоположныхъ разврату и роскоши. Можно держать какое угодно пари, что предполагаемая премія эксцентричныхъ англичанъ не была бы выиграна:

вѣроятность погибели семейства индюшекъ отъ роскоши не можетъ быть доказана, не говоря уже о развратѣ, который, въ этомъ случаѣ, способствовалъ бы только къ размноженію и процвѣтанію индюшечьей колоніи.»

Предполагаю, милостивый государь, что эти драгоцѣнныя слова были вызваны у автора соблазномъ ясности. Не погонись онъ за ясностью, не вздумай по примѣру г. Чернышевскаго объяснять дѣло сравненіями, - и мы не имѣли бы этого блистательнаго отрывка. Но въ то же время я прихожу въ величайшее изумленіе, видя, какъ эта ясность спутываетъ самыя простыя понятія и приводитъ къ непроходимой темнотѣ.

Вѣдь что мнѣ приходится теперь подробно объяснить автору? То, что люди не индюшки, а индюшки не люди!

Древніе Римляне и индюшки - какое удивительное сравненіе!

Авторъ очевидно принимаетъ индюшекъ за людей; онъ не замѣчаетъ того, что

роскошь и развратъ суть человѣческія явленія, явленія, свойственныя одному человѣческому обществу, и, какою-то неслыханною игрою воображенія, придаютъ роскошь и развратъ - семейству индюшекъ!

С другой стороны, авторъ дѣйствительно считаетъ римлянъ индюками; потому что единственное зло, которое, по его мнѣнію, могло бы воспослѣдовать для Рима отъ роскоши и разврата, состояло бы въ томъ, что Римъ бы опился и объѣлся. Помилуйте! Для индюшекъ это конечно единственное дурное слѣдствіе индюшечьей роскоши и индюшечьяго разврата; но зло человѣческой роскоши и человѣческаго разврата всего менѣе состоитъ въ томъ, что кто-нибудь обопьется или объѣтся.

Авторъ предполагаетъ, что его индюшки образуютъ семейство; положимъ такъ, хотя можетъ-быть еще можно спорить, дѣйствительно ли индюшечье семейство тоже самое, что человѣческое семейство. Но мы сдѣлаемъ слѣдующее тонкое замѣчаніе: индюшки, никакъ не могутъ образовать государства; поэтому намъ

кажется несомнѣннымъ, что если въ индюшечьемъ мірѣ не можетъ быть римской имперіи, то въ этомъ мірѣ невозможно и паденіе Рима. Только мы, люди, и можемъ наслаждаться теперь статьями о паденіи Рима, случившемся въ нашей исторіи; индюшки же въ своемъ мірѣ безъ сомнѣнія лишены этого удовольствія.

Вообще замѣтимъ, что для того, чтобы какъ-нибудь понимать исторію, прежде всего въ полномъ смыслѣ слова, необходимо строго отличать людей отъ индюшекъ. Если мы станемъ принимать индюшекъ за людей, живущихъ семейнымъ образомъ, то конечно отъ этихъ фантазій бѣда еще небольшая. Г. Чернышевскій въ своемъ Антропологическомъ принципѣ подробно объяснилъ, что въ сердцѣ курицы таятся очень нѣжныя чувства и что собаки разсуждаютъ точь въ точь какъ люди. Несмотря на то, куры попрежнему не пользуются особенно-глубокимъ нашимъ сочувствіемъ, и на мнѣнія собакъ никто не обращаетъ большого вниманія. Но если наоборотъ, мы людей будемъ принимать за

индюшекъ, тогда все пропало: тогда исторія исчезаетъ совершенно, Римъ погибаетъ только от варваровъ - и такъ далѣе, и такъ далѣе, безъ конца. Все будетъ такъ, какъ бываетъ въ индюшечьемъ мѣрѣ; судьба индюшки, какъ справедливо замѣчаетъ цитруемый нами авторъ, вполнѣ зависитъ отъ варвавера, то-есть отъ повара; люди же, какъ извѣстно, привыкли думать, что судьба ихъ немножко зависитъ и отъ нихъ самихъ.

Мнѣ конечно жаль, что въ настоящее время подобныя, нѣсколько элементарныя объясненія стали необходимыми въ нашей литературѣ. Но меня утѣшила въ этомъ случаѣ статья г. Антоновича въ августѣ Современника: о Гегелевой философіи. Къ ней я предложилъ бы обратиться автору той статьи, о которой говорилъ выше. Первые страницы статьи г. Антоновича принесли бы ему, по моему, великую пользу. Г. Антоновичъ, согласно со мною, возстаетъ противъ увлеченія соблазномъ ясности. Примѣромъ философовъ онъ доказываетъ, что видимая темнота не есть еще

дѣйствительная ерунда. Онъ говорить, что на первый взглядъ смыслъ философскихъ рѣчей чрезвычайно странень. Неопытный читатель легко можетъ придти къ мысли,

«будто философы - это какіе-то полупомѣшанные люди, по крайней мѣрѣ съ разстроеннымъ воображеніемъ; а иначе какъ же объяснить то, что они говорятъ нелѣпости ни съ чѣмъ не сообразныя, порюють дичь, въ которой нѣтъ и капли здраваго смысла, убиваются и ломають голову надъ пустяками, о которыхъ и толковать не стоитъ, которые всякому извѣстны?»

Г. Антоновичъ считаетъ подобный наскоро составленный взглядъ невѣрнымъ и указываетъ на средства, которыми можно отъ него избавиться. Для этого, по его словамъ, нужно заниматься философіею, вчитаться въ философскія книги, войти во вкусъ философіи; для этого нужно, чтобы въ такихъ занятіяхъ прошло нѣсколько времени. Какія прекрасныя и, признаюсь,

для меня неожиданныя рѣчи! Г. Антоновичъ не совсѣмъ опредѣленно говоритъ здѣсь о времени; но какъ видно изъ дальнѣйшаго, онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что если только есть талантъ (*conditio sine qua non*), то чѣмъ больше времени вчитываться въ философовъ, тѣмъ лучше можно ихъ понимать. Я осмѣливаюсь распространить этотъ глубокий взглядъ и на другія науки; онѣ тоже во многихъ случаяхъ могутъ показаться дичью и нелѣпостью; но такому оболъщенію не должно вѣрить: нужно заниматься, нужно вчитаться, - и черезъ нѣсколько времени все покажется иначе.

Вотъ что говоритъ г. Антоновичъ о томъ, какъ черезъ нѣсколько времени кажутся читателями философы. По его словамъ, ихъ мысли оказываются имѣющими очень серьезный смыслъ и важное значеніе; сами философы оказываются людьми съ большою энергіею и силою въ мыслительной способности. Читатель убѣждается, что

«дѣйствительно, если посмотрѣть на дѣло такъ, какъ онъ (философъ) говоритъ, то естественно и даже необходимо придти къ его мыслямъ, къ его образу воззрѣній на вещи. Всѣ вопросы, казавшіеся новичку, до знакомства его съ философіей, неинтересными и не требующими рѣшенія, теперь представляются ему во всей многосложной запутанности, представляющей лишь слабую надежду на ихъ рѣшеніе, и чѣмъ больше онъ занимается философіей, тѣмъ яснѣе понимаетъ трудность философствованія, тѣмъ больше уваженія онъ чувствуетъ къ философамъ, создавшимъ самостоятельныя оригинальныя системы, и наконецъ окончательно убѣждается, что не всякая голова, не всякій умъ способны на это дѣло».

Съ трудомъ вы можете себѣ представить, какъ отраднo мнѣ было встрѣтить эти строки въ «Современникѣ»! Я очень желалъ бы, чтобы онъ произвели все свое благодѣтельное вліяніе на его

многочисленныхъ читателей, чтобы они убѣдили ихъ, что чѣмъ больше занимаешься наукой, тѣмъ больше чувствуешь къ ней уваженія!

Г. Антоновичъ очень хорошо указываетъ и на то, по какимъ причинамъ философію и, прибавлю, многое другое, иногда принимаютъ за ерунду. Все это, какъ онъ говоритъ, отъ недоразумѣній, отъ неумѣнья подняться на высоту отвлеченія. Все дѣло въ томъ, что люди не умѣютъ или не хотятъ мыслить; новая книга или новая наука - вѣдь это значитъ новая мысль; а люди читаютъ эту книгу или эту науку, - упорно оставаясь при своихъ старыхъ мысляхъ, при своемъ прежнемъ пониманіи. Что же мудренаго, что новое имъ кажется непонятнымъ, бессмысленнымъ, то-есть чушью, ерундою?

Такъ прекрасно объясняетъ это дѣло г. Антоновичъ, поучая любознательныхъ читателей журнала, въ которомъ онъ участвуетъ. И затѣмъ уже, уже изложивши все свое уваженіе къ философамъ, онъ

пристѹпаетъ къ изложенію системы Гегеля. Казалось бы, чего лучше? Но увы!

Нѣтъ ни въ чемъ намъ благодати...

На одной изъ слѣдующихъ страницъ читатель встрѣчаетъ вотъ какое обстоятельное изложеніе мнѣній Гегеля:

«Если кто-нибудь, движимый чувствомъ челоѳколюбія, мысленно и идеально положилъ въ карманъ бѣдняка сто руб. сер., то это значить, по обыкновенному разумѣнію, что онъ ровно ничего не положилъ, въ карманѣ ничего нѣтъ, онъ абсолютно пустъ; а по возрѣнію Гегеля выйдетъ, что въ карманѣ хоть и нѣтъ ста рублей матерьяльныхъ, но онъ и не пустой, - въ него положена мысль, которая и лежитъ тамъ, какъ лежали бы и дѣйствительные сто руб., и изъ которой, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно могутъ развиваться настоящіе матеріальные рубли. Гегелевы мысли и понятія - это дѣйствительно предметы и вещи, которыя

такъ сказать можно осязать и ощупать; на столѣ стоитъ свѣчка, тутъ же подлѣ нея стоитъ мысль о свѣчкѣ, понятіе объ ней; понятіе, положимъ, вслѣдствіе своего развитія загорится; въ тоже самое время отъ этого загорится и свѣчка, то-есть понятіе о горѣніи - реализуется».

Я согласенъ, что въ этомъ отрывкѣ сильно проглядываетъ сочувствіе г. Антоновича къ бѣдняку, который вмѣсто ста рублей имѣетъ въ карманѣ только мысль о ста рубляхъ. Но однакоже, если взять дѣло чисто съ философской точки зрѣнія, чтоже это такое? Вѣдь если судить по приведеннымъ словамъ г. Антоновича, то въ самомъ дѣлѣ окажется, что Гегель-то человѣкъ съ разстроеннымъ воображеніемъ, что онъ поретъ дичь, въ которой нѣтъ и капли здраваго смысла. А кто такимъ образомъ понимаетъ и толкуетъ глубокомысленныхъ философовъ? Самъ же г. Антоновичъ сказалъ, что такъ ихъ понимаютъ только люди несвѣдущіе, которые не занимались философіею, не

вчитались въ книги философовъ, не умѣютъ подняться на высоту отвлеченія. Чтоже отсюда слѣдуетъ? По строгой логикѣ мнѣ кажется необходимо признать одно изъ двухъ: или что Гегель не стоитъ того, чтобы объ немъ писалъ г. Антоновичъ, или же наоборотъ, что г. Антоновичъ еще не годится для того, чтобы писать о Гегелѣ. Къ крайнему моему ужасу, я не нахожу выхода изъ этой дилеммы.

Все остальное, чтъ содержится въ статьѣ, не выводитъ меня изъ этого недоумѣнія и не разгоняетъ сомнѣнія, колеблющаго мой умъ.

Г. Антоновичъ говоритъ о Гегелѣ по поводу книги Гайма: Гегель и его время, переведенной г. Соляниковымъ (Спб. 1861 г.). Нашъ критикъ повидимому признаетъ Гайма за непреложный авторитетъ и во всемъ слѣдуетъ этому ухищренному нѣмцу. Вотъ это меня и смущаетъ; г. Антоновичъ много говоритъ о Гегелѣ, а о Гаймѣ какъ будто и не рѣшается судить. Между тѣмъ дѣло немаловажное. Въ концѣ концовъ оказывается, что Гаймъ

опровергаетъ философію Гегеля и разбиваетъ ее въ пухъ и прахъ. И чтоже? Мы принуждены вѣрить этому на слово. Г. Антоновичъ долго разсуждаетъ о системѣ, объ абсолютномъ, о діалектикѣ, какъ ихъ понимаетъ Гегель и даже вообще философы; но какъ понимаетъ эти важныя матеріи Гаймъ, и слѣдовательно г. Антоновичъ, - остается скрытымъ для читателя. Мнѣ странно, какимъ образомъ на примѣръ Гаймъ можетъ отвергать и разбить въ пухъ ученіе Гегеля и вообще философовъ объ абсолютномъ, когда самъ Гаймъ, судя по изложенію г. Антоновича, не имѣетъ объ абсолютномъ никакого мнѣнія.

Но не будемъ требовательны. Повѣримъ на слово г. Антоновичу, что Гаймъ во всемъ правъ - какое пріятное убѣжденіе! Книга вполне вѣрная, на которую можно положиться безъ дальнѣйшихъ разсужденій - вѣдь это сокровище!

Теперь понятно, почему г. Антоновичъ съ такимъ высококомбіемъ и поношеніемъ отзывается о замѣчаніяхъ редакціи

«Журнала министерства народнаго просвѣщенія», которая осмѣлилась прибавить нѣсколько своихъ строкъ къ переводу Гайма, первоначально помѣщенному въ ея журналѣ. Къ сожалѣнію, возраженіе г. Антоновича такъ же темно, какъ побѣда Гайма надъ Гегелемъ. Г. Антоновичъ различаетъ то, что смѣшала редакція, именно какіе-то два рода категорій: однѣ, какъ онъ выражается, обыкновенныя, а другія вѣроятно необыкновенныя; однѣ у него категоріи въ смыслѣ Канта, а другія оригинальныя гегелевскія; послѣднія онъ называетъ мнимосамостоятельными, такъ что первыя будутъ дѣйствительно самостоятельными. Очень, очень любопытно. Вѣдь это не шутка - различить два рода категорій! Конечно, г. Антоновичъ полагается на довѣріе читателей къ своему авторитету, но намъ очень жаль, что онъ не счелъ нужнымъ объяснить обстоятельнѣе.

Точно также, едва могу я добратся до того, что думаетъ г. Антоновичъ о философіи вообще, хотя это для меня

весьма любопытно, да вѣроятно очень заинтересуетъ и другихъ читателей. Напримѣръ какъ вы думаете, милостивый государь, нужна философія, или можно ее - по боку? Согласитесь, что вопросъ заманчивый, игривый. Вы вѣроятно поблагодарите меня, если я по мѣрѣ силъ объясню вамъ, какъ думаетъ объ этомъ г. Антоновичъ.

Сначала онъ какъ будто и признаетъ философовъ, даже съ большими похвалами отзывается о Гегелѣ; но тайной своей мысли не высказываетъ. И объ абсолютномъ, и о системѣ, и о діалектикѣ онъ говоритъ какъ будто о дѣлѣ. Только мимоходомъ вскользь онъ бросаетъ замѣчаніе, что есть-де философы, которые и не составляли цѣльныхъ системъ. Любопытно, очень любопытно, но г. Антоновичъ ничего болѣе не говоритъ объ этихъ философахъ.

Но, приложивъ вниманіе и терпѣніе, вчитываясь и входя во вкусъ, можно дойти и до истинныхъ мнѣній г. Антоновича. Въ концѣ статьи воздаются великія похвалы Гайму. Тутъ-то, прикрывшись Гаймомъ,

какъ непроницаемымъ щитомъ, и чувствуя себя безопаснымъ, г. Антоновичъ можетъ-быть невольно высказалъ свои мысли. Посмотрите, говоритъ онъ среди своихъ похвалъ, Гаймъ нисколько не уважаетъ авторитетовъ, даже авторитетъ самого Гегеля, великаго Гегеля для него нипочемъ! Но здѣсь еще не все.

«И самъ же Гаймъ, - хвалебно продолжаетъ критикъ, - не выдумалъ никакой философіи, не противопоставилъ системъ Гегеля своей системы, да даже не считалъ этого и нужнымъ, говоря, что можно обойтись всегда и безъ философской системы».

Понимаемъ! значить и намъ нужно то же дѣлать. Неопытный читатель пожалуй уже готовъ отказаться отъ всякой философіи; но я удержу его замѣчаніемъ, что слѣдуетъ хорошенько вникнуть въ слова г. Антоновича. Г. Антоновичъ очень остороженъ; онъ сказалъ: безъ философской системы, а не просто безъ

философіи; безъ системы онъ готовъ остаться, но остаться совсѣмъ безъ философіи, онъ какъ-будто не рѣшается.

Перевертываю еще страницу - и кажется дѣло разъясняется: тамъ есть намеки, что будто бы въ Германіи колеблются и частные и общіе (слышите ли? общіе!) авторитеты; основываясь на примѣрѣ Гайма, тамъ уже прямо говорится, что - нѣмецкая литература, самая зрѣлая и развитая, дошла до отрицанія авторитетовъ, до опроверженія цѣлыхъ системъ и наукъ...

Какъ наукъ? Какихъ наукъ? Вѣдь дѣло шло только объ одной наукѣ, о философіи? Значитъ вы намекаете, что Германія дошла до отрицанія философіи? И даете понять, что и намъ нужно то же дѣлать?

Да что же это такое? Какъ же можно намеками и обиняками говорить такія важныя вещи? Кто мѣшалъ изложить все это обстоятельнѣе? Вѣдь это ужасно любопытно - узнать, какъ тамъ все это дѣлается въ Германіи!

Нечего дѣлать, - чтобы удовлетворить своему любопытству, я рѣшился самъ

читать Гайма. Не можетъ быть, думаль я, чтобы нѣмцы опровергали цѣлыя науки. Скорѣе же они натворять безъ числа всякихъ новыхъ наукъ, чѣмъ станутъ отвергать прежнія!

Что же я нашоль? Гаймъ предпринялъ чисто историческое изложеніе системы Гегеля. Онъ не совсѣмъ ясно излагаетъ, чтъ онъ разумѣетъ подъ этимъ чисто историческимъ изложеніемъ; да впрочемъ намъ и нѣтъ нужды говорить объ этомъ. Пусть посредствомъ этого хитраго приема онъ опровергаетъ Гегеля; дѣло въ томъ, не отрицаетъ ли онъ философіи? Едва ли! Вотъ что онъ пишетъ:

«Я согласенъ также и съ тѣмъ взглядомъ (и уже здѣсь желаль бы заявить это), что и въ исторической критикѣ нынѣшняго умозрѣнія постоянно должны уже находиться въ запасѣ элементы, рано или поздно долженствующіе составить новое метафизическое зданіе».

А въ другомъ мѣстѣ:

«Вѣроятно путь нашъ приведетъ насъ къ возможности новой спекулятивной продукціи...»

Ну такъ и есть! Нѣмецъ, какъ нѣмецъ! Недовольный прежними системами, онъ просто мечтаетъ о созданіи еще новой философіи. Дѣло только въ томъ, что, какъ онъ самъ признаетъ, новая спекулятивная продукція еще не удалась ему въ этой книгѣ объ Гегель. Слѣдовательно тутъ онъ былъ на перепутьи между старымъ и новымъ. Ужели же онъ однакоже оставался безъ всякой философіи? Право не знаю; я лучше приведу вамъ его собственныя слова, которыми онъ старается описать свое состояніе.

«Глубоко потрясающее чувство овладѣваетъ истиннымъ другомъ философіи, когда онъ пробуждаетъ въ себѣ все человѣческое для того, чтобы слѣдить за біеніемъ вѣчно живаго, за тѣмъ сопряженіемъ собственнаго духа съ духомъ

міра, которое совершается въ одушевленіи изслѣдованія, то стремительнаго, то сосредоточивающагося, то снова устремляющагося».

А въ другомъ мѣстѣ:

«Истины и дѣйствительности божественныхъ идей я ищу ни въ чемъ иномъ, какъ въ вѣчно живомъ процессѣ человѣческаго духа».

Не забудьте, что этими словами Гаймъ хочетъ обозначить все свое направленіе, тотъ духъ, въ которомъ написана имъ книга. Громкія рѣчи, не правда ли? Мнѣ все кажется, что громъ этихъ рѣчей, сказанныхъ немножко отрывочно, отзывается какими-то знакомыми понятіями, какою-то знакомою философіею. Но, я не берусь рѣшить, что за взглядъ въ нихъ выражается. Послѣдователи Гайма вѣроятно его понимаютъ. Г. Антоновичъ, во всемъ согласный съ Гаймомъ, вѣроятно вмѣстѣ съ

нимъ любить искать истины и дѣйствительности божественныхъ идей, и, сопрягаясь съ духомъ міра, слѣдить за біеніемъ вѣчно-живаго.

Но гдѣ же отрицаніе философіи и опроверженіе цѣлыхъ наукъ? Его нѣтъ и слѣда. Я не думаю, чтобы его можно было найти и въ слѣдующихъ словахъ Гайма:

«Чтобы у насъ непременно была какая-нибудь система, какая-нибудь философія, - въ этомъ конечно нѣтъ необходимости; между тѣмъ безусловно необходимо имѣть чувство истины, неподкупную совѣстливость, свободу духа, коренящуюся въ характерѣ».

Мнѣ не совсѣмъ нравится образъ выраженія этой мысли: слово необходимость, а особенно безусловная необходимость мнѣ кажется здѣсь неумѣстно; но самая мысль хороша. Еслибы я сталъ писать на эту тему, то я сказалъ бы такъ:

Позволительно и не знать философіи; въ этомъ нѣтъ никакой вины; но никакъ не позволительно писать о философіи, когда

ее не знаешь, хотя вина здѣсь и небольшая. Знаніе не обязательно, да оно и не всѣмъ доступно; нельзя требовать, чтобы всякій былъ философомъ. Но всякій обязанъ быть честнымъ и добрымъ человекомъ, и это всѣмъ доступно. Не имѣя глубокихъ познаній, можно и должно имѣть однакоже чувство истины, то-есть умѣть различать, что знаешь и чего не знаешь; можно и должно быть скромнымъ, то-есть не бросать менѣе свѣдущимъ пыли въ глаза мнимымъ глубокомысліемъ и всегда быть готовымъ учиться у другихъ, болѣе свѣдущихъ. Знаніе и умъ не составляютъ высшаго достоинства человека: въ человекѣ мы больше любимъ твердость характера и глубину сердца.

По моему мнѣнію, это вѣрныя и хорошія мысли.

Н. КОС.

PS. Мѣста изъ Гайма не заимствованы мною изъ перевода г. Соляникова, а переведены мною самимъ.
